

БИБЛИОГРАФИЯ

Русские книги. Метафизика Хр. Баумейстера, переведенная с латинского языка Яковом Толмачевым. Издание второе, вновь исправленное.— С.П.б., в типогр. Медицин, департ. Министерства внутренних дел, 1830 (232 стр. в 8-ю д. л.)^{*35}.

Схоластические тонкости, которые пора бы нам называть откровеннее: *школьными мелочами*, после направления, данного мысли человеческой творениями новейших философов, кажутся столь же странными, даже смешными, как и наряд, в каком ходили во времена Вольфа³⁶ и Лейбница³⁷, показался бы странным и смешным в наше время. Один умный человек называл метафизику оселком³⁸, на котором не куется, а только изощряется ум человеческий; зачем же нам употреблять ныне оселок, истершийся от времени и не изощряющий уже, а разве притупляющий умственные способности?

* Продается в книжной лавке Алексея Свешникова, в Гостином дворе, по суконной линии, под № 11. Цена экз. 5 руб.

Иностранная литература

MEMOIRES DE LORD BYRON,
PUBLIES PAR TH. MOORE,
traduits de l'anglais par M-me Louise Sw. Belloc.
Premiere livraison.

(Записки лорда Байрона, изданные Томасом Муром. 1-е
отделение).—

Париж; 1830, 2 т. в 8-ю д. л.³⁹

Прежде нежели начнем мы разбирать сии записки, открывающие нам все подробности богатой приключениями жизни славнейшего из поэтов нашего времени и служащие к изречению беспристрастного суда о его характере, столь худо понятом современниками предубежденными или завистливыми, мы извлечем несколько выписок, которые, надемся, читатели наши прочтут с удовольствием. Таковые выписки, взятые не наудачу (ибо публика вправе требовать, чтоб мы не полагались на *удачу* там, где дело идет о возбуждении любопытства), но выбранные из множества мест, равно любопытных, суть как бы предтечами удовольствия, которое обещается чтением записок Байрона; они освободят нас от всяких похвал труду переводчицы. Г-же Св. Беллок, давно уже известной прекрасным своим сочинением о жизни и творениях лорда Байрона, не чужды ни один из обычаев английского общества, ни одно из лиц, являвшихся в оном.

“Байрон имел, по выходе своем из университета и даже прежде, одну или две любовные связи; но в них голова его больше участвовала, нежели сердце. Один из странных оттенков его характера был тот, что любив, подобно всем

молодым людям, хвалиться успехами своими в делах любовных, пока они были еще в перспективе, он становился таинственным и скрытным с тех пор, как дело начинало слаживаться. Малейший намек о любви его, даже самой пустой, заставлял его краснеть, как девушку, и приводил его в смущение. Товарищи его имели привычку говорить между собою: “Видно у Байрона есть какая-нибудь любовная связь, потому что он стал скрытен и угрюм, как любовник обманутый”. Эту стыдливость имел он и с самим собою: в замечаниях своих, как и в самых дружеских письмах, он говорит только о тех предметах своей страсти, которые для него остались чистыми. Кажется, первая подруга его сердца (и может быть, мать ребенка, к которому он написал следующее стихотворение, доныне еще не бывшее в печати) умерла очень молода и что он приписывал себе раннюю ее кончину. Сие несчастье поразило его, как предчувствие будущей его судьбы и одиночества, которое его ожидало. “Я остался *один* при вступлении моем в свет,— говорил он позже,— *один* в моей любви, *один* в домашней моей жизни и умру *один*; я животное совершенно *одинокое*, не по *выбору*, но по *необходимости*”.

К моему сыну.

“Эти золотистые волосы, эти голубые глаза, блестящие как глаза твоей матери, эти розовые уста, коих ямочки и улыбки сладко восхищают сердце: все мне напоминает

минувшую жизнь радостей, все потрясает мою душу, дитя мое!

Некогда ты будешь лепетать имя твоего отца. Ах, Вилльям! зачем это и не твое имя! Тогда не было бы ни терзаний, ни тревог совести... Но полно! мои попечения оградят твой покой; тень твоей матери улыбнется от радости; из любви к тебе она простит бывшее, о сын мой!

Мурава покрыла смиренную ее могилу, и чуждая грудь приняла тебя. Свет насмехается твоему рождению и с трудом дает тебе имя на земле; но его усилия не помрачат ни одной из твоих надежд, ибо сердце твоего отца с тобою.

И зачем бы отвергнул я права природы? О, нет! Пускай свет ропщет и смеется надо мной! пускай строгие нравоучители вопиют: я назову тебя любимым сыном любви моей, прелестный херувим, залог юности и радостей! Отец бодрствует у твоей колыбели.

О, как сладостно мне будет, прежде чем старость изроет морщинами лицо мое, прежде чем утечет половина моей жизни, следовать в тебе и за сыном, и за братом, употребить мои преклонные лета на возвращение тебе прав твоих.

Хотя отец твой молод и безрассуден, но никогда вихрь молодости не заглушит в нем любви отцовской! И дотоле, пока черты Елены будут жить в тебе, сердце, познавшее сии прошедшие радости, не покинет никогда, о сын мой, сей последний

залог блаженства, уже не существующего”.

Мы передаем, без малейшей перемены, сие небольшое стихотворение, образец приятности и поэзии, голос сердца, исполненного самых чистых чувствований и со

всем тем столь недостойно оклеветанного впоследствии. Байрон скоро лишился сего сына, которого в будущем называл он своим братом, своим товарищем. Поэту не исполнилось еще 19-ти лет, когда он написал сии стихи. Посмотрим на него теперь, при отъезде его из Англии. Мы помним прекрасную *песнь отплытия* в “Чильд-Гарольде”:

Adieu, adieu! my native shore, etc.⁴⁰;

не в таком вовсе тоне описывает он свое отплытие другу своему Гогдзону (Hogdson), перемешивая шуточную прозу с шуточными стихами.

“Покидаю Англию без сожаления, возвращусь в нее без удовольствия. Я, как Адам, первый грешник, осужденный на изгнание, но у меня нет Евы: если я вкусил плода, то, право, он был из самых кислых и диких. Так кончится моя первая глава. Прощай”.

С Фалмутского рейда, 30 июня 1809.

“Ура, Гогдзон! отплываем. Эмбарго снято. Ветер дует, парус надувается, флаг развевается на верху мачты. Слушай! вот прощальный выстрел! Крик женщин, брань матросов, все возвещает минуту отплытия. Вот плут таможенный принимается за дело, глазами и руками. Чемоданы опоражниваются, сундуки трещат; ни мышья норка не укроется от поисков, назло всей сумятице.

Гребцы наши отвязывают веревки, которыми барка причалена к берегу; руки их впились в весла; с набережной спускают пожитки: поспешим; часы ходят; отваливай от берега.— “Остерегитесь: в этом ящике находятся напитки”.— “Задержи⁴¹ ладью”.— “Мне дурно, бог мой!” — “Дурно, сударыня? о, на корабле будет еще хуже”.— Так кричат мужчины, женщины, господа,

госпожи, слуги, служанки. Все толкаются, сталкиваются, словно рой пчел.

.

(Окончание в след. №)